

СОДЕРЖАНИЕ

Эпиграф: как была сделана эта книга <i>Главка вводная, несколько мистическая, но без мистики и некоторых навязчивых идей составить эту книгу было невозможно.....</i>	7
Явка с повинной <i>Главка, из которой читатель поймет, почему вдруг юрист, магистр, страшно сказать, компаративного и международного права, составил эту книгу, имеющую к юриспруденции такое же отношение как музыка Вивальди к нотариальной конторе .....</i>	11
Литературно-художественные аффирмации: десант антидепрессантов! <i>Главка, в которой мы попытаемся показать, что художественное слово исцеляет, объяснить, что такое литературные аффирмации, и вообще, – как все это работает.....</i>	19
Книга целительных слов <i>Основная часть книги, цель которой – погрузить читателя в литературную гармонию и через это установить гармонию в его душе.....</i>	58
«Модильяни», или Устами ребенка глаголет истина <i>Дополнительная главка, которой могло и не быть, но благодаря счастливой случайности она все-таки появилась.....</i>	235

Явка с повинной

Главка, из которой читатель поймет, почему вдруг юрист, магистр, страшно сказать, компаративного и международного права, составил эту книгу, имеющую к юриспруденции такое же отношение как музыка Вивальди к нотариальной конторе

Нелегкое это дело – писать книги и находить умные головы, способные их понять.

Л. Стерн

Строгий читатель, ознакомившись с аннотацией к этой книге и биографией автора, может удивиться: «С чего это юрист – пусть и магистр каких-то сложных наук – написал (составил) медицинскую, в сущности, книгу?» Спешу ответить, если даже строгий читатель этого вопроса не поставит.

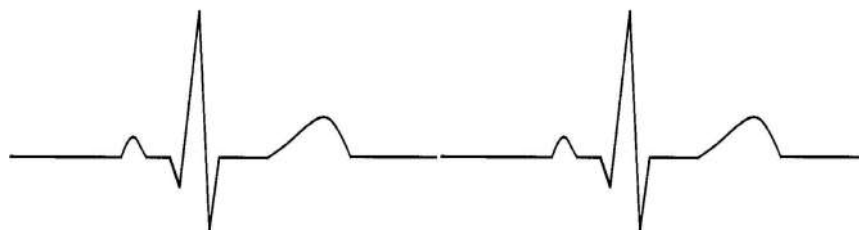
Действительно, автора ничего не связывает с медициной, кроме слова «иммунитет» в названии его магистерской диссертации (см. выше). Но, во-первых, книга эта вовсе не «медицинская», а как бы даже наоборот. Знакомый врач, которому я показал отдельные фрагменты рукописи, сказал что-то вроде: «Старик, в этом что-то, определенно, есть, но, понимаешь, все это как-то...» И он провел рукой в воздухе, как бы изображая некую неправильную линию, причудливую завитушку. Вот так, приблизительно:

Что именно хотел сказать доктор этой завитушкой, я уточнять не стал. (По-моему, завитушка была позаимствована им у

английского писателя-романтика Л. Стерна). Доктор был занят заполнением каких-то бумаг, и я не хотел отрывать его от дел. К тому же, в коридоре ожидали приема пациенты.

Скорее всего, моему рецензенту хотелось, чтобы книга имела вид более надежной линии, в идеале – правильной линии синусоидального ритма, кардиограммы абсолютно здорового сердца. То есть примерно вот так:

Врачу, разумеется, «неправильную» книгу написать трудно и неудобно – он слишком занят поиском болезней у своих пациентов и аккуратным их документированием.

Автор этой книги – дилетант в психологии. Но что такое дилетант? В переводе с итальянского *dilettante* – любитель, или тот, кто занимается наукой или искусством непрофессионально, для своего удовольствия, «из любви к искусству». Дилетант – это человек, делающий свое или, точнее, как бы *не свое* дело с любовью. «Настоящее познание дается сердцем. Мы знаем только то, что любим», – писал Л. Толстой. В конце концов, кто-то верно заметил, что «Титаник» построили профессионалы, а библейский ковчег – дилетант Ной. В известном смысле пушкинский «гуляка праздный» Моцарт, создающий шедевры во время бессонницы, – любитель, а изнывающий от зависти Сальери – профессионал, «предавшийся одной музыке».

«Любительство – благородно, кто знатен – любитель. И напротив, низки цех, ремесло, звание. Дилетантство! Эх вы, филистеры! Вам и невдомек, что дилетантизм сродни демоническому, сродни гению, ибо он чужд предвзятости и видит вещи свежим глазом, воспринимает объект во всей его чистоте, каков он есть...» (Т. Манн. *Лотта в Веймаре*).

Во-вторых, в том, что юрист составил книгу «о здоровье» есть определенная логика, ведь, если присмотреться, это чрезвычайно близкие профессии, не так ли?

К о р б а ч ч о :

Да, это правда:

На тот свет лекарь может ведь спровадить
Не хуже чем судья.

М о с к а :

И даже лучше!

Тот убивает именем закона,
А лекарь – он прикончит и судью.

К о р б а ч ч о :

Да кого угодно!

Этот диалог из комедии английского писателя XVII Б. Джонсона «Вольпоне, или Лис» через триста лет воспроизведет («мысли светлых голов совпадают», говорят французы) доктор Чехов: «Доктора – те же адвокаты, с тою только разницей, что адвокаты только грабят, а доктора и грабят и убивают». Монтень пишет о том же: «Король Фердинанд, посылая колонистов в Индию, мудро предусмотрел, чтобы среди них не было ученых законников, опасаясь, что и в Новом Свете расплодятся суды, ибо юриспруденция как наука естественно порождает споры и разногласия. Король, как в свое время Платон, полагал, что любая страна только терпит от юристов и медиков».

Взгляните на картину П. Брейгеля (младшего): если не знать ее названия трудно понять, кто этот человек в докторской шапочке в правой части картины – просто доктор или доктор права (в те времена юристов тоже называли «докторами»).

В-третьих... Однако, отмечу прежде, что сказанное выше о юристах и врачах, особенно о последних, не следует понимать

слишком серьезно и тем более буквально. ...В-третьих, юристу, как никому другому, необходима терапия искусством, ибо эта профессия (как и профессия врача) – одна из самых вредных для здоровья. Об этом свидетельствуют результаты исследований, например, Американской ассоциации юристов. Автор составлял эту книгу с надеждой на то, что бывшим коллегам по цеху юристов (сам автор уже отошел от «большого права») она станет если и не настольной книгой, то хотя бы пособием по оздоровлению души, которая не может не страдать от постоянного и – увы! – неизбежного профессионального лицедейства. Адвокату, например, быть «нанятой совестью» без ущерба для *своей* совести и здоровья весьма затруднительно – невозможно.

П. Брейгель (младший). Деревенский юрист

Вообще, история знает много случаев, когда юристы вторгались в сферы весьма далекие от права и устанавливали в этих сферах свои порядки. Юристами были Э. Хаббл и П. Ферма, первый выдвинул теорию разбегающихся галактик, имя второго носит одна из величайших теорем. Магистр права Г. Лейбниц не воспользовался своей привилегией заняться адвокатской практикой (*интегрируя* таким образом свое состояние), а предпочел заняться *дифференциальным* исчислением. Доктор права ван ден Брук

занимался наукой в свободное от юриспруденции время, не афишируя свое увлечение физикой. Он высказал революционные гипотезы о строении атомного ядра, кроме того, профессионально играл на фортепиано, проектировал удивительные дома, философствовал. Наконец, юристами были, не удивляйтесь, Чайковский, Вальтер Скотт, Гете (адвокат) и даже Тургенев (доктор гражданского права)...

Наконец, *last but not least*, «будь болен я один, я не стал бы говорить об этом, но так как многие другие страдают тем же недугом, то и я пишу для них, хотя не вполне уверен, что они обратят внимание на мой рассказ... Если даже никто не задумается над моими словами, я все-таки извлеку из них хотя бы ту пользу, что скорее излечусь сам, и, как лисица, попавшая в западню, отгрызу прищемленную лапу» (*А. Мюссе. Исповедь сына века*).

Иначе говоря, эту книгу я составил, не в последнюю очередь, для самого себя – чтобы окончательно (книга как юридический документ – «окончательная бумага») избавиться от Страх, Зависти и мучительных Сомнений – главных врагов свободной, здоровой и гармоничной личности. «Чтоб хорошо писать, страдать надо, страдать!» Если эта формула Достоевского верна, то книга, которую вы держите в руках, не должна быть совсем уж никчемной.

– Как же сумели вы написать вашу книгу?..

– Я сумел это лишь потому... что не смог без этого обойтись. Я должен был или написать свою книгу, или отчаяться, у меня не было другого шанса спастись от пустоты, от хаоса... Под этим давлением возникла книга, и она принесла мне желанное спасение одним тем, что была написана, безразлично, удалась она или нет.

Г. Гессе. Путешествие в страну Востока

Если местами эта книга покажется читателю слабой, слишком простодушной, наивной (или наоборот – слишком заумной), бессистемной, – автор не будет в претензии. Дело в том, что я согласен со следующим ироническим наблюдением замечательного писателя Ф. Искандера: «Ничто так не воодушевляет людей, как

если мы проявляем признаки неопасного слабоумия... Людям нравятся наивные люди. Наивные люди дают нам возможность перенести оборонительные сооружения, направленные против них, на более опасные участки. За это мы испытываем к ним фортификационную благодарность».

Иначе говоря, читателям нравится чувствовать себя умнее, опытнее автора. Надо заметить, это чувство превосходства отчасти верное: почти все глубокие мысли были высказаны людьми наивными. «Наивности большой ломоть», как сказал поэт, – необходимое условие для зарождения глубокой мысли. А так как нельзя одновременно служить двум господам (усидеть на двух стульях и т. п.), то приходится выбирать – рождайте глубокие мысли и при этом быть наивным во всем остальном, или ловко обустроить свою жизнь и довольствоваться, соответственно, простой житейской мудростью?

Как бы то ни было, читательское воодушевление, вызванное неопасным и гипотетическим (надеюсь!) слабоумием автора, в известной мере компенсирует недостатки этой книги.

Здесь, я думаю, самое время ответить на еще один вопрос строгого читателя или еще более строгой и практичной читательницы: «Я ведь могла и сама прочесть все, что изложено в этой «удивительной, удивительнейшим образом удивительной» книге, так сказать в первоисточниках. Почему же я должна читать именно Вашу книгу?»

К «первоисточникам» обратиться можно и нужно, отвечаю я на этот гипотетический вопрос, но, – положа руку на сердце, – когда вы, читатель, в последний раз брали с полки «Жизнь Арсеньева» или «Дон Кихота»? Автор-составитель провел всю не то чтобы грязную – этого в данном случае сказать никак нельзя, – но все же физически утомительную работу за читателя. В сущности это была, словами Маяковского,

...та же добыча радия.

В грамм добыча, в годы труды.

Автор собрал в одном месте необходимый материал, «сгустил» и – составил эту книгу. («Сгущение», в разумных пределах, было необходимо: всякое лекарство – это всегда

концентрат «действующего вещества», а наша книга, как видно из названия, – тоже лекарство. «Действующим веществом» в нем является высокая литература).

Если чтение этих текстов не только будет иметь целительный эффект для читателя (в этом я абсолютно уверен), но и разбудит в нем желание прочитать или перечитать «первоисточники», автор будет искренне этому рад.

Как уже было отмечено автором, не только его наивность и бесспорное дилетантство в вопросах медицины является причиной некоторой внешней бессистемности, где-то даже сумбурности изложения основного материала «Книги целительных слов».

Дело в том, что я убежден: «системный» подход к изложению чего бы то ни было всегда таит в себе опасность иссушить предмет, о котором идет речь. Систематичность часто переходит в схематичность, а чрезмерная точность – в педантизм. Здесь как с алиби (во мне проснулся бывший сотрудник органов прокуратуры): слишком достоверное алиби вызывает сомнение в этой достоверности. Можно согласиться с Ф. Искандером: «По высочайшей аккуратности текста угадывается подлог».

Безмерное увлечение точностью, стремление к системной полноте изложения, «мания логизации», – все эти «ипостаси гордыни», как сказал аббат Дж. Манучелли (читатель, я надеюсь, еще не забыл о нем), и приводят Сальери к трагическому финалу и запоздалому признанию:

Ремесло
Поставил я подножием искусству;
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию...

А. Пушкин. Моцарт и Сальери

Кроме того, вслед за Ф. Ницше, которого часто понимают неправильно, я «питаю недоверие ко всем систематичным людям и удаляюсь от них. Желание привести все в порядок показывает

недостаток порядочности». Другой философ (на самом деле он был слугой философа, но философа такого масштаба, что и слуге было нетрудно заделаться мудрецом) заметил, очевидно, цитируя своего хозяина – Гете, что «искусство требует беспорядка». Характерно, что оба этих любителя «беспорядка» – немцы то есть представители нации, известной своей склонностью (иногда губительной как для нее самой, так и для ее соседей) к порядку.

Кто-то определил учебник, как «книгу, не пригодную для чтения», а между тем всякий учебник – апофеоз систематичности. Как это ни покажется странным, системность может не только помогать, но и мешать пониманию. Наша книга – не учебник. Я не случайно пишу «наша книга». Образно говоря, автор – это композитор, а читатель – исполнитель, и, по мнению М. Цветаевой, читая книгу, он должен ее «исполнить, как сонату». И в этом смысле, читатель – соавтор книги.

Несмотря на несистематичность и неакадемичность этой книги, автор, не столько следуя требованиям закона, сколько из уважения к читателю и к себе, дает, как правило, полную ссылку на источники – произведения, из которых он извлекал эти небольшие фрагменты; даются имя и заглавие. Таким образом, читатель, при желании, может обратиться непосредственно к полному тексту произведения.

Жанр этой книги установить трудно – автору, по крайней мере, это не удалось. Можно было бы отнести ее к жанру «естественной магии». *Магии* – потому что не вполне понятно, как все это (литературно-художественные «аффирмации») работают, *естественной* – потому что все это действительно *работает*.

Далее поговорим о том, как «все это» работает.